

ПРОЛОГ

Чтобы прикоснуться к тайне, необязательно отправляться за тридевять земель. Достаточно порой оказаться на Ленинградском проспекте. Через широкую арку зайти во двор девятиэтажного кирпичного дома и в тот же миг перенестись в неизведанные земли, в тридцатое царство, исполненное тайны, даже еще и не подозревая, что оно действительно существует.

Зимний вечер в городе. Самый обычный вечер. Ленинградский проспект сияет огнями. Красные, желтые, оранжевые — они вспыхивают, мигают и гаснут. И снова загораются, сливаясь в разноцветный хоровод. Сотни огней, сотни машин, тысячи ярко-желтых квадратов освещенных окон. Кто спит в Москве в восьмом часу вечера? Никто не спит. Так, по крайней мере, кажется и тем, кто на улице, и тем, кто уже дома. Кто встает с кресла, подходит к окну, смотрит через затуманенное стекло. Но видит там лишь смутные тени, оранжевые огни и свое собственное отражение в черном квадрате, обрамленном серой от дождя и непогоды рамой.

Женщина из окна смотрит на улицу: фонари, шум машин, лязг трамваев, голоса прохожих. Она все это видит, все слышит. Но ничего не замечает. Она присаживается боком на широкий холодный подоконник, смотрит и думает о чем-то своем. И улыбается, скользя взглядом по сдвинутому в сторону керамическим гор-

шочкам — там цветут фиалки и вот-вот должен распуститься долгожданный гиацинт.

Комнатные цветы милы женскому сердцу. Потому что они цветут даже зимой. И напоминают о любви. Женщина дает себе слово, что не забудет полить цветы на ночь. И потом не забудет снова наполнить водой бутылку, чтобы дать воде отстояться. Как мало надо этим комнатным символам любви. Но хлорка, очищающая воду, губительна. Она бьет не только микробов и плесень. Она убивает романтизм. Прогоняет мечту. Возвращает к реальности.

Женщина прислушивается: в квартире — тишина. Верхний свет погашен. Зажжена лишь настольная лампа. И телефон молчит. Но ничего. Это еще не смертельно. Ведь сейчас всего-навсего восемь часов вечера. И тот, кто должен, кто обязан позвонить сегодня, наверное, еще не вернулся с работы домой.

Женщина наклоняется и берет с кресла маленькую темную коробку. Гладит глянцевую поверхность крышки, но не открывает ее, словно не хочет заглядывать внутрь. Откладывает коробку, а потом снова берет в нерешительности. И снова откладывает.

Шум за окном отвлекает ее внимание. Шум мотора въезжающей во двор машины. Женщина оживает, вскакивает на подоконник, тянется к форточке, распаковывает ее настешь, выглядывает и... Нет, нет и нет. Это совсем не та машина. Другая. Чужая. Кто-то приехал домой с работы. Возможно, сосед. Вариантов множество, и с первого раза никогда не угадаешь. Женщина хлопывает форточку, неловко спрыгивает с подоконника. Вот и все. Наверное, это все на сегодня. Она смотрит на часы — как медленно ползут стрелки, эти чертовы стрелки...

Приглушенный звук нарушает тишину. Женщина прислушивается. Вот опять. Снова и снова. Плач ребенка. Из-за стены, из чужой квартиры — плач, еле-еле

слышный и тем не менее так назойливо врывающийся каждый вечер в вашу комнату, в ваши мысли, в ваше одиночество.

Женщина бросает так и не открытую коробку на кресло. Идет на кухню, берет бутылку с уже отстоявшейся водой и аккуратно и бездумно, точно послушный домашний робот, начинает поливать цветы. Эти комнатные символы любви.

Глава 1

ЖЕРТВА РАЗБОЯ

Жизнь сразу начинает казаться серой и безрадостной, а существование тяжким бременем, когда на улице хлопьями валит мокрый февральский снег, а ваша машина вдруг ни с того ни с сего предательски глохнет посреди дороги.

Екатерина Сергеевна — Катя Петровская, в замужестве Кравченко, — криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области, даже толком не представляла себе, где она находится. Вместе с телеоператором пресс-центра Марголиным она возвращалась из Реутова. Там находился военный госпиталь, где лечились раненные в Чечне омововцы. О них Катя и оператор делали телерепортаж. Но на обратном пути машина — старенькие, обглоданные коррозией «Жигули» — отдала концы прямо посередине забитого автомобилями, укутанного снежной мглой Горьковского шоссе. Марголин чуть ли не по звездам определил направление — мол, мы где-то на подъезде к Окружной. Вдвоем с Катей они вышли из машины, открыли капот и тупо уставились в автомобильные внутренности. Марголин хотя бы имел представление, где там мотор. А Катя после нескольких занятий в автошколе смутно помнила только одно железное правило: если из капота внезапно повалил пар, как из вскипевшего чайника, нельзя сразу же отвинчивать пробку на какой-то там железке. Можно ошпарить руки. Но как выглядит эта

железка с пробкой, Катя уже не помнила. К тому же в этом конкретном случае пар не валил. Машина просто тихо засипела и дальше не поехала. Финита.

— Может, просто бензин кончился? — со слабой надеждой предположила Катя.

Марголин мрачно хмыкнул и буркнул что-то насчет какой-то «искры», которая «не проскакивает». Где не проскакивает? Катя готова была схватить из багажника молоток и стукнуть сначала по предательнице-машине, потом по затылку неумехи, незнайки, растеряхи Марголина. Он ездил на «жигульке» лихо, руль крутил так, словно хотел оторвать с концами, но починить на месте какую-то там «искру» не мог!

— В чем дело? Поломка? Почему тогда знак аварийной остановки не выставили? Хотите, чтобы в вас врезался кто-нибудь?

Хмурый мальчик в форменном комбинезоне и ярко-салатовом жилете ГИБДД походкой охотящегося на серну барса приближался из снежной мглы посередине шоссе, игнорируя мчащиеся мимо машины. Катя уступила Марголину честь объясняться со стражем дороги. Пусть поругаются. Возраст у обоих примерно одинаков, взгляды на жизнь тоже должны совпасть.

«Салатовый жилет» ГИБДД разглядывал их служебные удостоверения весьма придирчиво, явно сначала не веря, что два этих снеговика (Катя уже перестала стряхивать снег с шубы) — коллеги и соратники по борьбе с криминальным злом. Вернув удостоверения, «салатовый жилет» с важным видом обошел машину, заглянул под капот.

— Все ясно. Откуда на такой развалюхе следуете? — спросил он, закуривая.

— Из Реутова, из военного госпиталя, — дoloжила Катя.

— Удивительно, как вы вообще с Никитского-то метр отъехали. Тут же... — «Салатовый жилет» ткнул

жезлом в капот и изрек длинную фразу, полную технических терминов и едких выражений по неизвестному адресу. Марголин, кажется, понял, что случилось с мотором, лицо его просветлело. — Трос найдется? — спросил «салатовый жилет». — Цепляйтесь ко мне, тут пост недалеко со стоянкой, дотащу вас. Оттуда на базу нашу звоните.

Катя пискнула «спасибо».

«Салатовый жилет» окинул ее взглядом — надо же, снеговик-то женщина, и молодая, слегка подобрел и снова распорядился Марголину доставать трос и «садиться рулить». А Катю повел куда-то вперед по шоссе. Там, мигая сине-красными огнями, как НЛО, стоял белый с синими полосами «Форд» ГИБДД. Вот так и получилось, что в половине четвертого ненастного февральского дня (по календарю была пятница) Катя оказалась на посту ДПС и самым непредсказуемым образом попала в эпицентр неких событий, имевших весьма странные, загадочные и трагические последствия.

«Жигулька» отвлекли на стоянку. Марголин стал звонить на базу. А Катя стряхнула снег с шубы, сняла шапку и присела на стул у окна в тесном, жарко натопленном пространстве между пультом дежурного и нагромождением каких-то ящиков. В стеклянном павильоне ГИБДД было душно, как в бане, и светло, как в аквариуме. С улицы то и дело заходили патрульные, перебрасывались с дежурным фразами и снова скрывались за стеклянными дверями в снежном тумане. Погода вызывала у дежурного резкое осуждение. Именно от него Катя услышала странное выражение «четверть-нулевая видимость».

На стоянку подрулили еще несколько патрульных машин с мигалками. Начинался развод. ГИБДД стягивала силы на опасные участки трассы. Все разговоры вертелись вокруг каких-то «противотуманок» и «пря-

мых попаданий». Вернулся Марголин и сообщил новость: машину придется оставить на стоянке до утра. Надо было думать, как добираться до ближайшего метро.

— Погрейтесь пока, чайку вот попейте, — к Кате подошел тот самый «салатовый жилет». Из-за комбинезона и толстой куртки с надписью «ДПС» он казался почти богатырем. Он вручил Марголину термос, а Катю угостил апельсиновой карамелькой. После грозного окрика на дороге по поводу какого-то там аварийного знака это было не совсем логично. Катя развернула карамельку и сунула за щеку — вкусно. А в автошколе пугали, что все гаишники — кто? Ну, одним словом...

— Значит, из пресс-центра нашего? — поинтересовался «салатовый жилет». — Пишете все. Про нас хоть бы кто слово написал.

Катя сказала, что «уж вашу-то службу вниманием никто не обходит».

— Ну да, — хмыкнул «жилет». — В прошлом году прислали какого-то дедка с бородой, фотокорреспондента. Все на операцию, бедный, рвался, в натуре процесс заснять. Взял я его, сжалился. На «Арсенал» — машины досматривать на оружие, наркоту. А ночью как мороз ударил за тридцать, гляжу — дед-то мой поси-нел, руки камеру не держат. Намучился я с ним, отпаивать пришлось, и не только чаем. А потом он...

— Ну, ты не очень-то распространяйся... Все же пресса, — усмехнулся дежурный, косясь на Катю. — А то дадут тебе потом за это «не только чаем».

«Салатовый жилет» обернулся к Кате.

— Погрейтесь пока с полчасика. — Он понизил голос. — Я сменяюсь. Доброшу вас в Москву. А вы в субботу вечером что делаете?

— А что? — спросила Катя, разглядывая его.

— Вы на лыжах катаетесь? У нас тут места есть, лыжня хорошая.

Катя улыбнулась: на лыжный марафон ее еще никто никогда не приглашал. Это даже как-то чудно. Сказал бы еще — на каток.

— Я не катаюсь на лыжах, — сказала она. — За то, что подвезете, большое спасибо. Вы и так нам очень помогли. Если бы не вы — ночевать бы нам сегодня на дороге.

— А вы сами машину водите? — спросил «салатовый жилет».

— Только учусь.

— Где?

— В автошколе, конечно.

— Ерунда. Я вас сам научу. В эту субботу первое занятие. У меня машина. Договорились?

Катя засмеялась, смутилась: напор и натиск. И все это под любопытными взглядами Марголина и дежурного. Когда «жилет» скрылся за дверью, дежурный потечески ободрил Катю:

— Да вы не обращайтесь внимания. Балабол — он и есть балабол.

Он хотел развить эту тему далее, но тут дверь снова распахнулась, и вместе с февральской вьюгой на пороге возник незнакомый гражданин. Он сразу бросился к стойке и осипшим голосом закричал на всю дежурку:

— Помогите, на меня напали! Украли машину... Я... Боже, я даже не знаю, где я... Это... это ведь не Ленинградское шоссе?!

Когда «салатовый жилет» зашел за Катей и Марголиным, они в один голос попросили подождать их. Катя хотела дослушать до конца историю о разбойном нападении. Если повезет, из этого мог бы сложиться неплохой репортаж о «раскрытии по горячим следам».

Фамилия незнакомца оказалась Бортников, имя Александр Александрович. Дежурному пришлось поверить ему на слово, потому что ни водительских прав, ни документов у Бортникова не было.

— Все в машине было, все украли. А меня затолкали на заднее сиденье, ударили и куда-то повезли. — Бортников задышался от волнения. — А потом на снег выбросили. Я по дороге шел, там все какие-то садовые участки, ни души кругом. Я даже не знал, где я нахожусь.

Катя разглядывала потерпевшего. На вид Бортникову было лет тридцать пять. Он был маленького роста, однако жилистый и крепкий. Заметно поредевшие пепельные волосы его были коротко, по моде, острижены. Короткая коричневая дубленка была местами мокрой от грязи и снега. Под дубленкой виднелся теплый свитер. Шарф, перчатки и шапка отсутствовали.

Рассказ Бортникова был короток и сбивчив. Дежурному несколько раз пришлось переспрашивать его.

— Вы поймите, я никак не ожидал... Я ехал на машине из аэропорта, из Шереметьева.

— На своей машине? Марка, госномер, цвет, приметы? — Дежурный сразу взялся за трубку.

— На служебной. Я работаю в авиакомпании «Трансконтинент», у нас офисы в Шереметьево-1. Машина авиакомпании, не моя. «Волга» номер... черт, сейчас, одну минуту, никак с мыслями не соберусь даже... Синяя «Волга», служебная, номер... — Бортников с трудом вспомнил цифры. — Обычно мы ездим не на ней, а...

— Кем вы работаете в авиакомпании? — спросил дежурный, записывая его показания в журнал.

— Я начальник службы охраны... безопасности, одним словом. За нами закреплено несколько машин, но сегодня я поехал на этой «Волге».

— Куда вы ехали?

— В центр, в Палашевский переулок, там расположен наш банк. Но выслушайте же меня. — Бортников снова заторопился: — Я ведь даже на Ленинградку не успел выехать. А их я даже не видел. Они откуда-то сбоку вывернулись — вишневая «девятка» с тонированны-

ми стеклами. Обогнали, подрезали меня, к обочине прижали. Я им едва крыло не смял. Дорогу загородили. Я думал, это из-за ДТП, но... Двое вышли и ко мне — один дверь рванул с моей стороны и ударил меня кулаком в грудь. Не надо меня снимать, зачем это? — Бортников резко отвернулся от Марголина, наставившего на него объектив камеры. — Значит, в грудь меня ударили, аж дух захватило от неожиданности. Вытащили меня вдвоем и запихнули назад. Один пистолет мне к ребрам приставил — сиди и молчи, говорит, дернешься, пристрелю. Второй сел за руль. И куда-то повезли меня. Этот, что со мной сидел, шапку мне на глаза надвинул. Долго ехали, часа, наверное, полтора. Потом они остановились и меня пинком вон. А сами — газу. Я поднялся — ничего не знаю, где я, что за место? Снег валит, дорога какая-то проселочная... Кладбище, участки вроде садовые.

— Во сколько вы выехали из аэропорта? — спросил дежурный.

— В половине второго.

— А сейчас без четверти пять. И это не Ленинградское, это Горьковское шоссе. Не Москва, область.

— Черт! — Бортников стукнул кулаком по колену. — Ну да, они же долго меня мотали. Но чтобы столько времени прошло...

— Вы нападавших-то в лицо запомнили? — подала голос Катя. Она украдкой записывала показания Бортникова в блокнот — пригодятся, если дело раскроют.

Бортников резко обернулся. Видимо, он принял ее за сотрудника или за секретаршу.

— Да я... да они мне каждую ночь, эти твари, сняться будут! Конечно, запомнил, рожи бандитские. Два кавказца. Молодые, лет по двадцать. В шапках таких шерстяных, ну маски-шоу, в куртках кожаных. У того, что меня держал, кажется, нос перебит. Прямо перед

глазами они у меня стоят до сих пор. В жизни такого не забудешь...

— Хорошо не убили еще, — философски изрек Марголин.

Дежурный связался с управлением и местными отделами, передавая приметы похитителей и «Волги».

— Подождите, я еще не все сказал, — Бортников страдальчески поморщился. — Машина-то черт с ней совсем, права мои, документы, ну и это ладно. Главное-то ведь... Они наверняка следили за мной от самого аэропорта. Им все наверняка известно было.

— Что? — спросил дежурный.

— Деньги я вез, понимаете? Сегодня пятница — последний день срока платежей по кредитам. Я вез деньги в банк в Палашевский переулок. Деньги нашей компании. Они были в кейсе, рядом со мной на сиденье.

— И что — большая сумма? — спросил дежурный.

Бортников затравленно оглянулся на присутствующих и нехотя кивнул.

Глава 2

ЖИЛЬЦЫ

Надежда Иосифовна Гринцер не переносила февраль. Каждый день затяжной пасмурной оттепели отдавался в ее висках тупой болью. Давление скакало. Предчувствие неумолимо надвигающегося нового снегопада наполняло тело свинцовой тяжестью. В феврале Надежда Иосифовна, по ее собственному признанию, чувствовала себя так, словно ею завладело какое-то невидимое глазу злобное существо, которое высасывало из организма все соки, как беспощадный и жадный паразит. В такие тяжкие дни нечего было даже и помышлять об уроках на дому. Ученики не приходили. А до

музыкальной школы на Старом Арбате, где Надежда Иосифовна раньше преподавала, она давно уже не в силах была добраться общественным транспортом.

Обычно день начинался с того, что, проводив дочь, Надежда Иосифовна прикладывала ко лбу по старинке мокрое полотенце и читала, сидя на диване, старые газеты. Когда головокружение и мигрень немного отпустили, она завтракала, пила кофе с молоком, а затем потихоньку пыталась продолжить разборку вещей, до которых с момента переезда в этот дом ни у нее, ни у дочери Аллы никак не доходили руки.

Переезд на эту квартиру Надежда Иосифовна внешне восприняла спокойно, но внутри очень тяжело. Как она постоянно жаловалась по телефону всем своим многочисленным знакомым — «еще бы чуть-чуть, и мне уже надо было ехать на Ваганьково». Ей до сих пор каждую ночь снилась их прежняя квартира — та самая, в старом сталинском доме у «Белорусской». Эту большую удобную квартиру получал еще отец Надежды Иосифовны. Там прошла вся ее жизнь, все семьдесят лет. Шутка сказать! Туда еще женихом Борис Гринцер, будущий муж Надежды Иосифовны, носил вот такие охапки белой сирени. Ах, как он умел красиво ухаживать! Они познакомились в пятьдесят четвертом на первом курсе консерватории, а поженились в пятьдесят седьмом. Борис был старше ее, сильно хромал — сказывалось ранение. Но она тогда, полвека назад, сразу выделила его из всех. С первого взгляда. Букеты сирени, в принципе, никакой роли уже не играли. На той старой квартире в пятьдесят восьмом родилась их старшая дочь Алла, а через десять лет младшенький, долгожданный, — Леонид. И горе пришло туда же, в те старые привычные стены, когда умер муж.

Но даже после его смерти они так хорошо, так долго, так уютно и так дружно жили втроем в просторной большой светлой квартире у Белорусского вокзала. До

прошлого года, пока вдруг Леонид в один прекрасный день не объявил: «Мама, я женюсь».

И все сразу полетело кувырком. Привычный уклад жизни рухнул. Наступила эра перемен и «переселения народов». Старую квартиру продали. Леонид съезжался с женой, а для Надежды Иосифовны и Аллы подыскивали через жилищные фирмы подходящий вариант двухкомнатной квартиры. Выбор района и дома Надежда Иосифовна целиком доверила дочери. В конце концов, ей ведь жить там в будущем, когда... Когда, образно говоря, старое, отжившее сойдет со сцены, перестав коптить небо. И ждать этого не так уж и долго, увы...

Надежда Иосифовна поставила лишь одно условие: невысокий этаж. Эта квартира Алле понравилась — вроде бы просторная, двухкомнатная, большая. И этаж подходящий — четвертый. И дом хороший, крепкий, вроде бы, как она говорила, чем-то отдаленно напоминавший тот старый, родной.

Однако Надежда Иосифовна сходства между домами никакого не нашла. Новая квартира располагалась на Ленинградском проспекте рядом со станцией метро «Сокол». Дом был кирпичный девятиэтажный начала шестидесятых. Некогда он считался ведомственным и принадлежал какому-то проектному институту. Дом этот Надежда Иосифовна прекрасно знала: в прежние времена здесь был известный всей Москве магазин «Смена». И сама Надежда Иосифовна сколько раз, бывало, приезжала сюда, в этот магазин, и тридцать, и тридцать пять лет назад и выстаивала жуткие очереди, чтобы купить подросток Алле демисезонное пальто, а младшему Лесику лыжный костюм.

И тогда, тридцать лет назад, этот дом казался ей настоящим дворцом, построенным по последнему слову архитектуры и градостроительства. Но сейчас все его великолепие померкло. Это была всего-навсего мас-

сивная монолитная кирпичная коробка, точнее, несколько коробок, потому что в доме было несколько корпусов. Коробка эта мало отличалась от других таких же каменных коробок, заполонивших Ленинградский проспект. Дом, выбранный дочерью, показался Надежде Иосифовне унылым и мрачным. И как-то беспокойно стало на сердце от мысли, что вот в этом доме, видно, и придется умирать, когда пробьет час.

Однако имелось у этого дома и одно бесспорное достоинство. Гринцеры въехали в квартиру на четвертом этаже четвертого корпуса. А как раз этот корпус был только-только после капитального ремонта. Это и было то главное, что привлекло Аллу к этой квартире, — высокие потолки свежепобелены, двери, подоконники, косяки и рамы заново покрашены, стены оклеены неброскими, но качественными обоями, трубы отопления и сантехника заменены.

Узнав все это, Надежда Иосифовна дала согласие купить именно эту квартиру — потому что на ремонт другой денег все равно уже не хватало. Надежда Иосифовна считала: десять-двенадцать лет Алла спокойно проживет в этой квартире без ремонта. Потому что одна, без мужа, она не осилит эту адскую канитель никогда.

Дочь замуж так и не вышла. Ей было уже за сорок. И разговоры о замужестве между ней и Надеждой Иосифовной уже более не возникали. Втайне Надежда Иосифовна сильно переживала и тревожилась за дочь. Как же так? Такая умная, красивая, с высшим образованием, эрудированная, тонкая, добрая, хозяйственная, такая верная, честная, нежная, заботливая дочь и до сих пор одна. Старая дева. Вековуха.

Сын Леонид женился в тридцать два на хорошей женщине с хорошей зарплатой и из хорошей семьи. А вот Алла... Надежда Иосифовна вздохнула: нет, все как-то не везет дочери в этих самых делах. А какие на-

дежды были, какие планы! И ведь ухаживали за ней, когда ей было и двадцать, и тридцать, и даже тридцать пять. А потом все как-то... Старые подруги Надежды Иосифовны активно пытались помочь: кого-то рекомендовали, находили женихов через знакомых знакомых, сватали. Но и тут все как-то не выходило. Один кандидат в мужья оказался скрытым запойным алкоголиком. Второй давал согласие на брак, но только с условием выезда за рубеж на постоянное место жительства. Алла же ехать не хотела. А третий... Третьему жениху Надежда Иосифовна отказала от дома сама. В первый раз он явился только для того, чтобы «посмотреть жилплощадь», в чем без зазрения совести признался будущей теще. Это случилось еще там, на старой квартире. Два года назад.

А в эту въехали в конце сентября. Перевезли вещи, мебель. С какими адскими трудами втаскивали на четвертый этаж по лестнице рояль! Пришлось платить грузчикам двойную цену. На старой квартире рояль стоял в зале и никому не мешал. А здесь он сразу же занял почти всю Аллину комнату. И шкафы с книгами по истории музыки и нотами, которые всю жизнь собирал покойный муж Надежды Иосифовны, пришлось размещать в коридоре. А он и так был страшно узкий и темный — ни толком раздеться в прихожей, ни сесть с телефоном в старое кресло, всласть потолковать с приятельницами о здоровье и телепередачах, не мешая дочери заниматься с учениками. С конца сентября в коридоре до сих пор громоздились неразобранные коробки и ящики. В углу пылился свернутый ковер. А чтобы пробраться в ванную, в туалет или в кухню, надо было чуть ли не прижиматься к холодной, выкрашенной тусклой розовой краской стене.

А в туалете, несмотря на недавний ремонт, уже отвалилась наверху плитка. К тому же за стеной у соседней часто плакал ребенок. Особенно вечерами, когда за ок-

нами темнело и ветер бросал в стекла пригоршни колючего снега.

Кроме всех этих досадных неудобств, Надежда Иосифовна на новом месте еще много чем была недовольна. Ученикам, например, приходившим и к ней, приходилось теперь добираться до «Сокола», а прежде почти все они жили рядом. Часто занятия мешали разные посторонние шумы: ремонт в доме вроде бы закончился, но и на третьем этаже, и на восьмом, и на девятом что-то там доделывали — стучали молотки, свистели дрели, ревели машины, циклевавшие паркет.

В четвертый корпус за месяцы, прошедшие после капремонта, въехало подозрительно мало жильцов. Надежда Иосифовна познакомилась во дворе с Клавдией Захаровной Зотовой. Они были ровесницами и гуляли по утрам и вечерам почти в одно и то же время. Надежда Иосифовна просто дышала воздухом, а Зотова с седьмого этажа прогуливала старого, страдавшего астмой и ожирением пекинеса Кнопку.

Зотова охотно по-соседски рассказывала о многих полезных вещах: к какому часу надо подходить в местную поликлинику, чтобы уж наверняка записаться на прием к участковому терапевту, где находится ЖЭК, как правильно пользоваться этим новым ключом-магнитом от домофона. Рассказывала и о жильцах — кто в какие квартиры, на каких этажах уже въехал. О себе, правда, Зотова не слишком-то распространялась. Надежда Иосифовна узнала лишь то, что Зотова живет в трехкомнатной квартире с сыном, невесткой и взрослым внуком. Чуть позже она увидела этого самого внука. Звали его Игорем, было ему уже восемнадцать лет, и от армии у него была какая-то там отсрочка (Клавдия Захаровна всегда это подчеркивала, но никогда не уточняла). Молодой человек нигде пока не работал, к пожилым людям выказывал мало уважения и однажды чуть не до смерти напугал Надежду Иосифовну на

лестничной клетке, неожиданно прыгнув с лестницы, грохоча по ступенькам высокими шнурованными башмаками.

Но Клавдия Захаровна Зотова во внучке души не чаяла. Надежда Иосифовна, из деликатности и чтобы не портить с соседкой дружбы, не высказывала ей своего недовольства и тревоги по поводу подрастающего поколения. Даже после того случая, после той возмутительной драки во дворе она Зотовой ни одним словом ни о чем не намекнула.

Да, странный был какой-то случай. Непонятный. Надежда Иосифовна сидела у окна в кресле, читала. Мальчишки во дворе галдели, а потом начали так грубо, по-взрослому ругаться. И кто-то вдруг дико, истошно заорал. И такими словами начал выражаться — одним словом, ужас. Эх, дети-дети, учить вас некому, воспитывать...

Наутро прошел слух, что кого-то вроде убили возле «ракушек» на выходе со двора. Слух не подтвердился — не убили, а только чем-то сильно ударили по голове: то ли прохожего постороннего, то ли кого-то из тех дравшихся во дворе парней.

А затем однажды Надежда Иосифовна встретила в лифте молодого человека в милицейской форме. Он представился местным участковым, однако фамилии своей не назвал. Надежда Иосифовна вышла на своем четвертом этаже, а он поехал выше. И вышел на седьмом, и, судя по всему, звонил в квартиру именно Зотовых.

Надежда Иосифовна хорошо запомнила тот день: драка во дворе произошла накануне того, как во двор приехала свадьба. В одну из квартир вселялись молодожены. По слухам — снимали квартиру, а не покупали. Конечно, откуда у молодых-то деньги! Но у этих деньги вроде водились. Потому что снять квартиру, да еще, как говорила Клавдия Захаровна Зотова, с мебе-

лю и полной обстановкой, в таком доме на Ленинградском проспекте — это в какую копейку влетит! А у них, у молодоженов, была еще и машина хорошая. Надежда Иосифовна сколько раз видела ее во дворе — красная такая, маленькая. Правда, Алла говорила — не иномарка. Настоящая иномарка была у соседа Надежды Иосифовны по этажу. Его звали Евгением. Он уже успел поставить в своей квартире железную дверь. Два дня работали мастера из «дверной» фирмы. Надежда Иосифовна от скуки живо интересовалась этим делом — времена-то сейчас какие! Она сама ходила смотреть дверь, а затем позвала посмотреть и Аллу.

Сосед не возражал. Надежде Иосифовне он понравился — культурный, вежливый, спокойный. Молодой — лет тридцати пяти. И вроде вполне уже обеспеченный. И холостой — один занимает такую же двухкомнатную квартиру, что и они с Аллой. Только уж больно высокий — прямо каланча. В лифт входит, пригнувшись, еще шутит по этому поводу.

Надежда Иосифовна велела Алле спросить у соседа телефон фирмы по установке дверей. И в результате они с этим Евгением совсем познакомились. Он даже предложил по-соседски, если что случится — ну там с пробками, с проводкой, — не стесняться и обращаться прямо к нему. Все ведь бывает при переезде. В глубине души Надежда Иосифовна даже размышляла: а чем черт не шутит, а? Вот бы жених был для Аллы подходящий. Ничего, что моложе, но...

Это было в начале октября. А сейчас на дворе стоял уже февраль. И ничего не изменилось. Только Алла стала работать еще больше. У нее появились какие-то новые ученики. Причем уроки с ними проходили только в вечернее время.

Иногда она возвращалась из музыкального училища, где преподавала, в пять, наскоро обедала, пере-

одевалась, а потом часов до семи ждала каких-то телефонных звонков. Кто-то звонил, она хватала трубку, говорила минут пять, потом срывалась из дома на очередную урок. По ее словам, ей приходилось ездить к ученику на дом куда-то далеко, к «Водному стадиону». Однако за эти занятия ей, по ее словам, платили вдвое больше.

Домой она приезжала поздно — часов в одиннадцать. Усталая, но всегда такая веселая, радостная, такая счастливая, что...

Надежда Иосифовна ничего не имела против, чтобы Алла хорошо зарабатывала, однако эти поздние вечерние уроки, эти подозрительные звонки... Однажды она прямо спросила дочь: в чем дело? И та сразу все объяснила: состоятельный клиент, какой-то фирмач. У него дочь готовится к поступлению в эстрадное училище. Они с ней занимаются на дому по полной программе — уроки фортепиано, вокал, сольфеджио. Приходится быть не просто учительницей музыки, но и комплексным репетитором, а ведь за это не все преподаватели берутся. Но зато и платят хорошо. А отчего уроки всегда поздние? Так ведь девочка учится днем в колледже, а потом еще и в театральной студии занимается.

Надежда Иосифовна этими объяснениями вполне удовлетворилась. Что ж, полвека назад она и сама была такой. Упорной, трудолюбивой. Готова была работать и днем и ночью, лишь бы поступить в консерваторию. Надежду Иосифовну даже умилила до слез мысль, что у ее Аллы есть такая достойная ученица. На таких детей не жаль никаких денег, никаких сил. Возможно, у девочки талант и призвание. И Алла ей поможет — она ведь отличный музыкант и талантливый педагог. Ведь каждый педагог мечтает о хорошем материале. Сейчас среди всеобщей музыкальной безвкусицы это большая редкость.

ПОТЕРПЕВШИЙ ИСЧЕЗАЕТ

Никиту Колосова Катя встретила в коридоре главка. Начальник отдела убийств шел по зеленой ковровой дорожке, словно солдат, вернувшийся из дальнего похода в родную деревню. Катя была рада видеть Колосова. Так случается: сначала уходите в отпуск вы, потом уходит в отпуск ваш коллега, а при встрече вы вдруг совершенно случайно осознаете, что прошла уже осень и половина зимы, а вы за это время даже ничего и не слышали друг о друге.

Начальник отдела убийств обычно уходил в очередной отпуск в то самое время, в которое нормальные люди отдыхать чураются — то есть зимой. Причем зимой не новогодней, рождественской, а самой что ни на есть унылой, послепраздничной, когда на улицах с трех часов дня — ночь, на тротуарах — лед, а в загородных домах отдыха — мертвый сезон после новогоднего бума. Как-то раз Катя из любопытства спросила Колосова о том, как он проводит свой зимний отпуск. Никита ответил предельно кратко: «Сплю». Увидев выражение Катиного лица, он пояснил:

— Ну, как медведь в берлоге спит.

— Все сорок дней отпуска ты спал? — спросила Катя.

— Угу. Красотища! — На лице начальника отдела убийств при этом сияла такая детская, такая счастливая улыбка, что Катя вопросов больше не задавала.

На этот раз при встрече на зеленой ковровой дорожке Катя решила проявить снисходительность и про отпуск Никиту не спрашивать. Просто обрадовалась:

— Ой, Никит, это ты, привет!

— Это я, здравствуй, Катя, — ответил Колосов.

И у нее сразу же появилось ощущение, что месяцев разлуки просто не было.

— По делам или в гости на огонек? — спросил Колосов.

— По делам. К транспортникам вашим.

Катя старалась отвечать ему предельно лаконичным языком, который был всеобщим языком в милиции. На том, который не привлекал постороннего внимания — иду, мол, по делам служебным за информацией для прессы не к тебе, милый мой, в отдел по раскрытию убийств, а в автотранспортный отдел розыска, чтобы прояснить ситуацию по делу о нападении на сотрудника авиафирмы «Трансконтинент». Но этот длинный комментарий так и остался за кадром. Колосов улыбнулся, пожал плечами: ну, раз ты к транспортникам идешь, так и путешествуй себе, но...

Мимо сновали сотрудники, хлопали двери кабинетов, трезвонили телефоны — сотовые, городские, внутренние.

— Ты что, волосы покрасила? — неожиданно спросил Никита.

— Нет, — ответила Катя.

— Значит, это просто так... Солнце из окна. Блики...

— Где ты видишь солнце, Никита? Здесь просто такой свет дурацкий, лампы горят...

Колосов повернулся, открыл ключом дверь своего кабинета:

— Заходи.

И Катя вошла.

— Садись, рассказывай.

Катя подумала: одни глаголы — и все в повелительном наклонении. Как же они все любят командовать. Даже когда вот так по-мальчишески вспыхивают румянцем. Даже когда бормочут что-то там о солнце и каких-то бликах на ваших волосах.

Она скромненько присела и как ни в чем не бывало

завела вполне деловую светскую беседу. На языке мужа, Вадима Кравченко, это называлось обычно по-разному: «трещать», «молоть языком», «выдумывать». А на языке закадычного друга детства, Сергея Мещерского: «фантазировать и восхищаться».

Но Колосов слушал терпеливо.

— Вот ты в отпуске когда была, к нам тут тоже газетчики приезжали, — заметил он, когда Катино красноречие иссякло. — Мы с ребятами час целый на их вопросы отвечали. Шеф распорядился, никуда не денешься. Ну, то дело, это, как этого взяли, как на того вышли... А в конце один пацан с диктофоном — бух прямо в лоб нам: и чего, мол, вы, братцы, тут сидите? Зачем вам все это надо? Что, неужели некуда уйти?

Катя махнула рукой — а, брось. И поднялась с деловитым видом.

— Значит, к транспортникам торопишься? — Колосов подвинул к себе телефон. — Дела, значит, там круче некуда, надо же... Подожди. Так они тебе все равно ничего не скажут. Умрут там над своей секреткой. — Он набрал номер и включил громкую связь, подмигнув Кате: — Сладков? Привет, Колосов. Как жизнь, дышите еще? — В переговорнике кто-то нехотя буркнул, как филин из дупла. — Что за дело там у вас с нападением на водителя «Волги»? Подвижки есть?

Катя вся обратилась в слух, жадно ловя ответы из селектора. Начальник автотранспортного отдела Сладков слыл в главке человеком тяжелым и несговорчивым. Прессу и телевидение на дух не переносил. И даже к сотрудникам пресс-центра относился с плохо скрываемой неприязнью. В душе Катя была благодарна Никите за то, что с присущей ему грубоватой чуткостью он угадал ее трудности и постарался помочь. Она слушала пересказ Сладковым событий на Горьковском шоссе, о которых и так уже знала.

— И машину взяли, и деньги? — уточнил Никита. — А сумма какая?

— Сто семьдесят пять тысяч долларов, — ответил Сладков. — Следователь в офис авиакомпании ездил, изъяс часть финансовой документации. Они там говорят: эти деньги в банк везли — процент по кредиту проплачивать.

— А почему только один охранник деньги вез, без сопровождения?

— Ну, они там в компании мутят что-то. Что-то крутят. Пока ответ такой: всегда так деньги возили. Этот Бортников, потерпевший, у них вроде на очень хорошем счету, доверенное лицо управляющего, начальник службы безопасности. Но мне лично сдается — химия у них там какая-то с этими деньгами. Хоть по документам это кредитная платежка, но вполне может быть, что все это и липа. Может, просто послали этого Бортникова передать из рук в руки кому-то наличку.

— А он, зная, что его от самого Шереметьева вели...

— Никита, — Сладков кашлянул, — там, кажется мне, кое-что другое. Он нам ведь что сразу сказал, этот Бортников? Он сказал: напали на него на выезде с аэропортовского шоссе. Обогнали, к обочине прижали... Так вот, это все вранье. Мы сводки из ГИБДД получили за сутки. В то самое время, когда он говорит, что на него напали, там мертвая пробка стояла. Видимость была плохая из-за снегопада, там сразу три машины столкнулись, в зад друг другу въехали. Пока с ДТП наши разобрались, пока пробка рассосалась. Если бы на него напали на выезде, они бы все там намертво застряли на два часа и стояли бы, а не мотали его по всей Окружной.

— Ты хочешь сказать, это все инсценировка?

— Я выводов пока никаких не делаю. Я фактами оперирую. А Бортникова этого мы со следователем хотим повторно допросить.

— Ну и? — Колосов кивнул притихшей Кате: слышала, нет?

— Ну и ждем пока. Ищем. Сегодня утром звонили ему домой — глухо. Повестку мои сотрудники ему отвезли, соседям отдали. А ты, Никита Михайлович, что вдруг этим вопросом так заинтересовался? Какая-то информация прошла по Бортникову?

— Да нет, ничего конкретного. Вышел вот из отпуска, на оперативке слышу — транспортники какое-то дело сложное раскручивают.

— Да несложное, я думаю. Если все инсценировка, а я на семьдесят процентов уверен, что так оно и есть, считай — главный подозреваемый уже налицо. Вообще, если честно, замучили нас эти инсценировки с разбоем на дороге! И какой ведь народ пошел — вор на воре.

— Ладно, понял, удачи. — Колосов дал отбой и обратился к Кате: — Ты сейчас к Сладкову лучше не ходи. Выжди до понедельника. Отыщется хмырь этот. Он ведь не судимый ранее, значит, в бегах долго не протянет. Слышала? Сто семьдесят пять кусков к нему в руки попало. За такие деньги не только разбой на дороге инсценируешь, сказку о похищении инопланетянами сочинишь, честное слово.

— Спасибо, Никита, — Катя вздохнула: жареный репортаж о разбое явно откладывался, а дело о подлом мошенничестве и краже пока было покрыто густым туманом. — Ой, а я сказать тебе совсем забыла: у Мещерского Сережи день рождения в субботу. Он, правда, специально никого не приглашает, но...

— Ты с мужем, конечно, придешь?

— Нет, Вадим уехал. Работодатель его в деловой вояж по Сибири отправился. И в Китай потом. Бизнес расширяет. А мой при нем — и за охранника, и за няньку. Ну, это у нас правилом уже стало. Работодатель его, Чугунов, старый уже...

— Не пыльная у твоего мужа работенка. И зачем этому старику личный телохранитель?

— Для важности, они все сейчас так, — Катя усмехнулась грустно. — А если честно, Чугунов Вадима просто... Ну, не любит, а привык он к нему за все эти годы. И Вадька к старику привык. Сказал, что работать у него не бросит до тех пор, пока... Ну, я раньше тоже этого не понимала, он же часто смеялся над Чугуновым, и вообще, а теперь... Чугунов без Вадима никуда, он ему как сын, что ли, даже не знаю. Вот поехали в командировку недели на три, в Китай потом полетят. А я одна. Дома... Ладно, если не забудешь, поздравь Мещерского. Он рад будет тебя услышать. Сколько раз у меня о тебе спрашивался.

— У тебя обо мне? А что ты ему сказала?

— Что не видела тебя сто лет, — Катя поставила последнюю точку в разговоре. — Ты ведь когда в отпуск уходишь, прямо исчезаешь, словно под шапкой-невидимкой.

Глава 4

ВЕЧЕР, КОТОРЫЙ ТАК НЕ ЛЮБИЛ ВСПОМИНАТЬ ГРАЖДАНИН МУХОБОЕВ

Василий Васильевич Мухобоев прибыл в Москву по служебным делам. В родном городе Мухобоева Солигорске, удаленном от столицы на две тысячи километров, затерянном среди сопок и тайги Уссурийского края, набирала обороты кампания по выборам мэра. Василий Мухобоев считался в Солигорске третьим реальным кандидатом на этот пост и имел шансы выиграть гонку, если бы случилось чудо и двум первым кандидатам отказали в регистрации.

В столицу Мухобоев отправился за поддержкой.

Ехал с двумя вечными секретаршами — надеждой и верой, с пухлым портфелем проектов, программ и предложений. Еще в Солигорске его предвыборный штаб пытался наладить контакты с руководителями неких частных корпораций, кои вполне могли заинтересоваться личностью и программой Мухобоева и оказать ему в будущих предвыборных битвах поддержку.

Мухобоев прибыл в столицу в среду и три дня ездил от порога к порогу, из кабинета в кабинет, поднимался по сверкающим мраморным лестницам, блуждал по просторным тихим коридорам учреждений, банков и министерств, топтал алые ковровые дорожки, курил, ждал по два-три часа в приемных, звонил по мобильному, снова курил, объяснял, излагал, докладывал, информировал, обещал, интриговал, угрожал, просил, умолял.

Вечером в пятницу (самолет в родной Солигорск вылетал рано утром в воскресенье) Мухобоев почувствовал себя усталым, разбитым, постаревшим на двадцать лет, опустошенным морально и физически и совершенно, совершенно лишним в этом огромном, никогда не спящем, залитом разноцветными огнями, чужом сумасшедшем городе. Он сделал все, что мог, для себя лично, своей команды и предвыборного штаба. Остальное же теперь зависело от... Ну, по крайней мере, от него, Мухобоева, уже не зависело ничего, и он это знал и переживал жестоко и горько, как переживает всякий крепкий еще, здоровый пятидесятилетний мужчина первые признаки надвигающейся старости и немощи.

Чтобы развеять мрачные мысли, взбодрить себя и утешить, снова по-орлиному расправить крылья и взмыть в мечтах высоко-высоко над родной тайгой, Мухобоев решил потрянуть всем, чем еще можно позволить себе потрянуть в пятьдесят, и сделать этот послед-

ний столичный вечер по-настоящему памятным и ярким.

Мухобоев порылся в справочнике своего мобильного и отыскал номер Алины. В последний раз они встречались полгода назад во время такой же вот командировки. Алина приехала к нему в номер гостиницы, и они провели два незабываемых дня. Денег, правда, улетело — вагон, однако...

Сейчас Мухобоев готов был заплатить Алине вдвое. Все, конечно, могло измениться за это время — и номер мог стать другим, и вообще Алина могла кануть в Лету. Мухобоев в глубине души опасался этого. С женщинами был он робок и пассивен, несмотря на то что казался игривым и развязным. Некоторых, в том числе и его дражайшую супругу, это крайне раздражало. А с Алиной тогда в самый первый раз прошло все как нельзя лучше. И потом тоже было хорошо. Мухобоев чувствовал себя на высоте. Дома в Солигорске за завтраком, наблюдая порой за отяжелевшей, обрюзгшей и расплывшейся за двадцать лет счастливой семейной жизни женой, он с острым вождением и щемящей тоской вспоминал гибкое, юное, стройное, позолоченное искусственным загаром тело, разметавшиеся по подушке волосы, сочные сладкие губы, зовущие к поцелуям. Губы Алины напоминали ему клубнику. Или даже вишню — пьяную, сладкую, в горьком шоколаде.

Конечно, Алина могла быть занята в этот вечер. Или мобильник ее мог быть выключен. Мухобоев боялся этого, потому что знал: другой женщины он уже не найдет и не захочет искать. К счастью, телефон работал и Алина ответила. Вспомнила его или притворилась, плутовка, и пригласила: хочешь — валяй, приезжай. И назвала свой адрес: Ленинградский проспект, дом на углу, четвертый корпус, тринадцатая квартира на пятом этаже.

— Алиночка, а мы маму с папой твоих не разбудим? — игриво шепнул Мухобоев в трубку.

— Чего? — Она даже не поняла, что он шутит. — Я тут на съемной живу, переехала осенью. Там у нас домофон внизу. Набери 25, сам себе откроешь. Ну, чао, котик. Выпить привези, не забудь, а то у меня все пусто. И что-нибудь сладкое. Только никаких апельсинов, слышишь? Все вы отчего-то апельсины тащите, а у меня от них аллергия.

По пути на Ленинградский проспект Мухобоев заехал в круглосуточный супермаркет и все купил. Правда, делать покупки было уже трудно. В баре гостиницы он для храбрости, для куража опрокинул двойной скотч, потом пару коктейлей и коньяк. В супермаркете долго блуждал между стеллажей и купил четыре бутылки хорошего марочного вина, закуски, американского мороженого, винограда и несколько коробочек клубники. Ягоды были крупные, яркие, тугие, алые. И напомнили Мухобоеву отчего-то пластиковые игрушки.

В такси Мухобоева слегка развезло. Голова была вроде кристально ясной, но мысли все как-то прыгали, точно девчонки через скакалочку. И все хотелось растянуть дубленку, пиджак и ослабить галстук или вообще снять его, выбросив за окно.

Двор, в который через арку въехало такси, был хоть и темным, но вполне обжитым московским двором. Мухобоев долго расплачивался, роняя деньги, еще дольше собирал и вытаскивал пакеты с провизией. Такси укатило, мигнув на прощание фарами, а он все стоял, пошатываясь, соображая, куда же теперь? Где, блин, дверь-то в этот самый подъезд?

Сколько было времени, Мухобоев не знал — поздно, скорее всего, за полночь уже. Алине он позвонил без четверти десять. Пока пил в баре гостиницы, пока ловил тачку, пока делал покупки, пока ехал. Высокие кирпичные стены окружали двор со всех сторон. В ок-

нах горел свет. Правда, уже не во всех. А левый корпус на первых двух этажах был вообще темным. У подъезда громоздился железный контейнер, доверху набитый строительным мусором, ржавыми трубами и битой плиткой. Где-то в доме шел ремонт.

Мухобоев взошел по ступенькам и дернул дверь, и она легко открылась. Однако он попал не в подъезд, а только в небольшой тамбур. Вторая входная дверь была железной с домофоном. Мухобоев при тусклом свете лампочки набрал 25, дернул на себя дверь, шагнул за порог и...

Дверь сразу с лязгом захлопнулась. И Мухобоев очутился в крошечной темноте. В подъезде не горел свет. Мухобоев, крепко прижимая к груди пакеты с бутылками и провизией, ощупью двинулся вперед: лестница. Три шага, еще три. На лестничной площадке Мухобоев, точно слепец, методом тыка отыскал сначала двери, а затем и кнопку лифта. Нажал и... ничего. Кнопка так и не загорелась рубиновым огоньком. Лифт, видимо, тоже не работал. Двери его были плотно сомкнуты, а сама кабина застряла где-то на верхних этажах.

Мухобоев расстегнул дубленку, вытер со лба пот, сгреб пакеты в охапку уже кое-как и снова ощупью двинулся искать лестницу. Ему предстояло подняться на пятый этаж. Он почти уже одолел первый пролет, как вдруг услышал нечто странное. Сверху донесся какой-то шум. Причем звуки шли с лестницы и вроде бы даже с близкого расстояния — шорох в темноте. Легкий, едва уловимый шорох. Мухобоев остановился — что за черт? Крысы, что ли, здесь или кошка?

Голова его вроде бы по-прежнему была ясной, только вот в ушах шумело — то ли от выпивки, то ли от тепла, то ли от усталости и подскочившего давления. Мухобоев теперь отчетливо ощущал все признаки опьянения, и еще у него возникло странное пугающее чувство: он тут не один, там впереди, на лестнице, кто-

то есть. Кто-то смотрит на него из темноты, вроде даже дышит или как-то странно сипит... Или, может, это просто осыпается отсыревшая штукатурка? Или ветер гудит в шахте лифта?

— Эй, кто здесь? Ты это... давай не балуй, — строго, но не совсем твердо изрек Мухобоев. — Алина, ты, что ли? Я уже иду. Тут у вас не видно ни черта... Т-тоже без света сидите, как чукчи...

Он одолел еще один пролет, затем еще один и еще. Эти лестницы с крутыми высокими ступеньками, эти широкие пролеты, эта пустота. На третьем этаже у лифта горела тусклая лампочка. В ее свете Мухобоев разглядел стены, выкрашенные зеленой свежей краской, коричневую плитку пола, испачканную белой известкой. На этом этаже еще шел ремонт. А лестница вверх снова тонула во мраке.

Стук...

Мухобоев снова остановился. А что это опять такое? Стук легкий, слабый, глухой. Словно кто-то, быстро перебирая ногами, преодолел одним махом все крутые ступеньки... Мухобоев снова хотел строго крикнуть: кто это здесь, вы что? Но... не закричал. Медленно, очень медленно поднялся еще на один пролет. И замер. Это было — он это помнил точно, — это было на площадке между четвертым и пятым этажами. Это было... Нет, этого не было. Этого не было наяву, он же был пьян. Но он видел это: из стены выползла тень и тихо заструилась, поплыла по лестнице. Мухобоев смутно различал скрюченную человеческую фигуру, ее очертания сначала были зыбкими, но по мере приближения они становились все четче. И сама фигура словно вырастала, распрямлялась. Мухобоев видел человека: мужчину в кургузом твидовом пиджаке покроя шестидесятых годов, в белой сорочке, галстуке-удавке и узких брюках, которые носили во времена его молодости. Он видел фигуру и одежду, но не видел лица. По-

слышался тихий всхлип, вздох или стон, словно чьим-то заплесневелым легким не хватало воздуха и...

Фигура замерла. Медленно, плавно начала поворачиваться, точно плыла, парила над лестницей. Мухобоев попятился. Пакет с бутылками выскользнул у него из рук и ударился об пол. Звон разбитого стекла. Темная терпкая влага, хлынувшая на плитку пола.

Наверху, на пятом этаже, лязгнули запоры, открылась дверь квартиры. Узкий сноп света прорезал темноту.

— Эй, кто там? Ты что там разгрохал? — женский насмешливый голос. Мухобоев узнал его — это была Алина. — Ну, ладно, давай поднимайся. Адрес, что ли, перепутал? Я тебя прямо заждалась.

Мухобоев точно знал: он пьян, он разбил бутылки, а там наверху Алина открыла дверь, зовет его и... И только это одно и было реальностью, но... Он услышал тихое угрожающее шипение — тень впереди по-прежнему плыла, колыхалась над лестницей и одновременно словно бы таяла, снова вращая в стену. Мухобоев слышал шипение: так шипит, пузырится масло на раскаленной сковородке, так шипит газ, уходящий из прохудившегося газового баллона.

Мухобоев слабо вскрикнул, повернулся и бросился по лестнице вниз, к лифту, к входной железной двери. Ударился в нее руками с разбега, ощупью попал ладонью на кнопку домофона, полуоткрыл-полувыбил эту дверь, вырвался в тамбур, на улицу, по скользким, обледенелым ступенькам во двор.

Он стоял, хватал ртом холодный воздух, дышал, дышал. Кирпичные стены окружали его со всех сторон. Кое-где светились желтые квадраты окон. Вспыхивали и гасли огни, точно чьи-то хищные глаза, стерегущие во мраке. Мухобоев вдруг с ужасом ощутил в руке что-то скользкое, холодное, липкое... Поднес руку к глазам — ладонь была красной, мокрой, но...

Он вдохнул свежий аромат парниковой клубники. На руке была не кровь — клубничный сок. Сам Мухомов этого не помнил, но это, видно, тоже было реальностью: там, на лестнице, он в какой-то момент судорожно сдвинул в кулаке хрупкую пластиковую коробочку, расплющив ягоды в сплошной кисель.

Глава 5

ЛУЖА

Утром в субботу Надежда Иосифовна Гринцер проснулась ни свет ни заря. Впрочем, удивляться этому она уже перестала. Случалось ей просыпаться и в четыре утра, и в пять. Она ворочалась, вздыхала, потом включала свет и читала. Удивляло ее совсем другое: сколько же книг не довелось прочесть в молодости. Сначала казалось — все впереди и так много еще времени: как же все не успеть? Потом разом обрушился быт — дети подрастали, было много работы, появлялись новые ученики, подававшие большие надежды, приходилось тратить на них силы, вкладывая душу в каждого. Потом начал хворать муж. Было все как-то не до книг. И так получилось, что вот только в старости появилось свободное время — украденное бессонницей время вынужденного бдения, время назойливых горьких мыслей о приближающемся конце жизни, спасением от которых было одно только средство: хорошая, умная книга. Субботним утром Надежда Иосифовна проснулась около пяти. Лежала и читала, сначала Тургенева — «Первую любовь». А на тумбочке рядом с лекарствами и чашкой остывшего чая стопкой лежали томики Вересаева, Ахматовой и Пастернака.

На чеканных строфах «Поэмы без героя» Надежда Иосифовна слегка задремала, но потом разом пробудилась.

дилась. Мысль пронзила как ток: а сколько же времени? Стрелки на будильнике показывали всего лишь половину седьмого. В комнате Аллы было тихо, дочь спала.

Надежда Иосифовна отложила книгу и встала. Сегодня выходной, но Алла вчера вечером обмолвилась, что у нее частный урок, причем очень ранний для выходного дня — в половине девятого. Кто-то из студентов музыкального училища перед экзаменами берет дополнительные занятия. Что ж, такое рвение, конечно, похвально, но... Нет, все-таки странно все это! Вчера поздно вечером кто-то снова позвонил. Надежда Иосифовна сама взяла трубку, и приятный молодой мужской голос спросил Аллу.

Дочь потом объяснила: мама, ну что ты, это звонит студент, мой ученик, подающий надежды молодой лирический баритон. Ему, мол, на выходные понадобился аккомпаниатор. Для занятий, естественно, для чего же еще?

Для занятий... Да, но с утра ведь так трудно распеваться. Сколько времени на это обычно уходит. Для чего же назначать аккомпаниатору в такую рань? А дочь непременно просила разбудить ее в половине восьмого, боялась опоздать. А накануне приобрела в магазине модный молодежный свитер кричаще-пестрой расцветки. Такие свитера для ее возраста уж как-то слишком смелы. Ей все же не восемнадцать...

Надежда Иосифовна встала с постели, сунула ноги в шлепанцы, запахнула бархатный синий халат и поплелась, шаркая, на кухню. С вечера в раковине, конечно, осталась грязная посуда! А на стене над плитой Надежда Иосифовна засекала, включив свет, крупного рыжего таракана. Вот вам и капитальный ремонт. Надежда Иосифовна в столь ранний час поднимать шума не стала и мухобойку в руки не взяла. Таракан удрал с миром. Но все же надо было навести на кухне хоть ка-

кой-то порядок. Надежда Иосифовна проинспектировала мусорное ведро: так и есть, полнехонько — пакеты от сока, стаканчики от йогурта и сметаны. Алла все же очень рассеянна и неорганизованна и, как все творческие натуры, домашним хозяйством интересуется мало. Сколько раз ведь ей было сказано: мусор надо выносить ежедневно, никогда не оставлять на ночь. Оставила, забыла — готово дело, вот вам и банкет для мелких домашних паразитов.

Надежда Иосифовна повздыхала, поворчала себе под нос, вытащила из-под кухонной стойки ведро с мусором и, стараясь ступать как можно тише, чтобы не потревожить сон дочери, направилась по темному коридору к двери. Вышла на площадку. У лифта горела тусклая лампочка, а лестница наверх к мусоропроводу была совершенно темной.

За окном лестничной клетки тоже было еще темно. Что ж, февраль все-таки — длинные ночи, короткие дни. Надежда Иосифовна начала подниматься по лестнице. И вдруг обо что-то споткнулась. Что-то зашуршало, потом звякнуло. Надежда Иосифовна нагнулась — что там еще? На ступеньках белел пластиковый пакет. В нем были какие-то осколки разбитых бутылок. Надежда Иосифовна перешагнула через этот мусор. Господи, ну что за люди? Прямо на лестницу кидают, лень крышку мусоропровода открыть, что ли? Она поднялась еще на несколько ступенек и... Внезапно ощутила, что наступила в какую-то лужу.

Шлепанцы сразу намокли. А на площадке стоял какой-то странный запах. Тяжелый...

Надежда Иосифовна оперлась на перила и... Отдернула руку, поднесла к глазам — рука оказалась чем-то испачкана. Чем-то липким, темно-бурым. А ноги... Ноги тонули в какой-то луже и... И тут тишину нарушил грохот и стук. Оглушительный, как показалось Надежде Иосифовне, грохот. А это всего-навсего по-

ехал лифт. Кто-то вызвал его снизу, кто-то вошедший в подъезд в этот ранний утренний час.

Надежда Иосифовна уронила свое ведро с мусором и так быстро, как могла, начала спускаться вниз по лестнице. Кинулась к двери — не к своей, а к ближайшей. Нажала кнопку звонка, забарабанила в дверь. А лифт снизу приближался...

— Помогите! Откройте, пожалуйста, откройте! — Надежда Иосифовна колотила в дверь чужой квартиры, совершенно позабыв, что дверь ее собственной квартиры рядом, в нескольких шагах, и открыта.

Щелкнул замок.

— Кто там? В чем дело? Пожар, что ли?

Надежда Иосифовна услышала голос соседа — того самого Евгения, который был неженатым, молодым, имел машину и сразу поставил себе железную дверь.

— Надежда Иосифовна, вы? Что стряслось?

Он явно только что встал с постели — был в одних спортивных брюках и голый по пояс. В глубине квартиры шумела в ванной вода.

— Женечка... Там на площадке наверху... Женечка, пойдите посмотрите... там кровь! Целая лужа... И на перилах тоже... — Надежда Иосифовна почувствовала, что у нее вот-вот начнется сердечный приступ.

Лифт проехал выше. И остановился на шестом этаже.

— Какая лужа, где? — Евгений вышел на площадку, но явно ничего не понимал, не верил ей.

— Там, пойдите посмотрите сами. Надо в милицию звонить...

Сосед подошел к лестнице, быстро поднялся.

— Тут темно, Надежда Иосифовна. Черт, лампочку, что ли, разбили?

— Мама, что ты кричишь? Что случилось? — Из двери высунулась Алла в ночной рубашке, испуган-

ная, сонная, недоумевающая. — Мама, тебе плохо, да? Врача?!

Ее голос гулко отозвался в лестничных пролетах. Откуда-то сверху послышались шаги: кто-то быстро, дробно спускался по лестнице.

— Надежда Иосифовна, да что вы, тут кто-то бутылки с вином уронил, — послышался от мусоропровода голос Евгения. — Черт, стекло понабили... Лужа целая натекла. Это вино, Надежда Иосифовна!

Евгений чиркнул спичкой. Робкий огонек осветил темноту. Надежда Иосифовна оттолкнула дочь, пытавшуюся увести ее в квартиру, и, забыв о своем сердце и ревматизме, быстро вскарабкалась по лестнице.

— Это, кажется, вино. — Сосед Евгений наклонился и дотронулся до лужи, темной кляксой растекшейся по плитке пола. Но голос его теперь уже звучал не так уверенно. Спичка в его руке погасла. Надежда Иосифовна нащупала перила. Дотронулась в том самом месте.

— Какое вино, это кровь, вот смотрите... Сгустки, у меня рука испачкана, — она протянула руку соседу.

Евгений чиркнул новой спичкой.

— И вон еще след на трубе, — произнесла Надежда Иосифовна упавшим голосом. — Вон там, смотрите!

При слабом свете им удалось разглядеть темные пятна на свежепобеленной трубе мусоропровода.

— Мама, что это такое? — спросила Алла. Она поднялась следом.

— Что случилось? Что за крики с утра пораньше?

Они вздрогнули, обернулись. На лестнице стоял молодой мужчина в джинсах и расстегнутой черной пуховой куртке. Крепкий симпатичный блондин. Надежда Иосифовна встречала его в лифте. Это был жилец с шестого этажа.

— У тебя дома фонарь найдется? — спросил его Евгений.

— Фонарь? — Блондин пристально смотрел на Аллу. — Да что случилось-то?

— Молодой человек, пожалуйста, принесите фонарь, — попросила Надежда Иосифовна. — А нам надо позвонить в милицию. — Она понизила голос: — Женя, вы как считаете — надо одновременно и в диспетчерскую домоуправления звонить? У них там кто-нибудь дежурит по выходным?

Глава 6

МЕРТВЕЦ И «ВОЛГА»

Худшей погоды нельзя было даже и представить. Небо было свинцовым. Шквалистый ветер гнал тяжелые снеговые тучи, ломился в окна, опрокидывал рекламные щиты, сдувал старое железо с крыш. Москва была пуста, как бубен, и, как бубен же, гудела от непогоды и потревоженной ветром автомобильной сигнализации.

Накануне Никита Колосов слышал от соседки в лифте мрачные замечания о капризах погоды. «Чудные дела творятся в феврале, — изрекла соседка тетя Саша. — Семьдесят лет живу, такого не видала». Оказалось, что чудные дела творятся в феврале не с одним только климатом.

Субботу Колосов хотел провести тихо, по-семейному. Семьи, правда, не было и в помине, но это еще ничего не значило. К девяти утра, как и в будни, можно было, например, подъехать в Никитский переулок — не работать, нет, сохрани бог, на то и законный выходной. Просто спуститься в спортзал и там как следует размяться. Покрутиться на тренажерах, постучать в боксерскую грушу, потренировать удар в паре с коллегой. Потом можно было бы принять душ, перекусить

чего-нибудь горячего в главковском буфете, а потом навестить родной отдел убийств. И там слегка поработать с одним нужным человечком. Точнее, не поработать (на то ведь и законный выходной), просто потолковать за жизнь.

Человечка на одни только сутки этапировали из Матросской тишины. Проходил он по делу о групповом разбое, а по верным слухам, располагал еще и информацией по группе Артохина, совершившей в Подмосковье несколько убийств. Колосов планировал многое узнать от подследственного. Однако все эти тихие семейные планы пошли прахом.

Еще в спортзале Колосову позвонили на мобильный из дежурной части. На проводе был Сладков из автотранспортного отдела. Он мрачно и коротко поставил Колосова в известность о том, что «тот самый потерпевший Бортников, которым он, Колосов, так интересовался накануне, нашелся».

— Я им интересовался? — искренне удивился Никита. — Да когда? Не помню я что-то.

Сладков хмыкнул и еще более мрачно сказал, что ему нужна срочная консультация начальника отдела убийств.

— Ладно, я сейчас в кабинет к себе поднимусь, — вяло отреагировал Никита: он был уже в спортивной форме, и напарник затягивал ему на запястье шнурок боксерской перчатки.

— Нет, не в кабинет, надо прямо на место нам ехать, — отрезал Сладков. — Шефу я уже звонил, он распорядился, чтобы и ты там был. Записывай адрес. Это недалеко, на Ленинградском проспекте. Рядом с «Соколом».

Насчет шефа Сладков явно приврал для солидности, но Никита не стал выводить коллегу на чистую воду. Он всегда был выше этого. А потом в голосе Сладкова он уловил кое-какие странные нотки. Сладков явно че-

го-то недоговаривал. Было ясно: транспортникам нужна помощь.

Дом Колосов нашел быстро. Собственно, его и искать было нечего — если ехать от центра в сторону области, слева, на Ленинградском проспекте. Приземистые мощные корпуса, розовые кирпичные коробки, похожие одна на другую.

Во дворе возле четвертого корпуса стояли сразу три милицейские машины. За рулем скучали водители. Два лейтенантика, таинственно перешептываясь, осматривали припаркованную между «ракушками» новую «Волгу» синего цвета. Во двор лихо зарулила белая «Нива» с синей мигалкой. И оттуда колом выкатился маленький плотный капитан в куртке ДПС нараспашку, пятнистых камуфлированных штанах СОБРа и в заломленном черном берете. Так одеваться мог в милиции только один человек, остальных же ждала гауптвахта. Человеком этим был старинный кореш Колосова Николай Свицерко. Он недавно перешел в УВД Северо-Западного округа, и район Сокола был его территорией. Встреча с другом прибавила Колосову оптимизма, хотя он пока ни черта не понимал в происходящем.

— Ну, погода, ну, зараза. — Свицерко был жестоко простужен и дудел, как труба, выговаривая слова с комичным прононсом. — Ваши хороши: прошляпили. И наши тоже хороши: бездельники! У меня температура тридцать восемь, а они свое в управе: давай выезжай. Ты-то чего тут варежку стоишь разеваешь? Он же ваш, с области!

— Кто? — спросил Никита.

— Да хмырь этот, мертвяк. — Свицерко снова закашлялся. — Убитый, кто? Сюда наши-то два раза выезжали. С жильцами прямо истерика уже. А наши тоже, ну как первый раз замужем. Участковый — дуботол!

С первого раза разобраться не мог, что это не ложный вызов, не пустышка, а чистейший криминал.

Никита молча ждал: Свидерко известный горлопан. Но отходчив. Сейчас схлынет первая волна эмоций, а потом все рассосется — и с ним можно будет работать.

Но, увы, на этот раз не рассосалось.

Прошел час, миновал второй, пролетел третий. С осмотром места было покончено, начался поквартирный обход и опрос жильцов. Колосов наблюдал все это как бы со стороны, не мешая Свидерко распорядиться и руководить. Сладкова он обнаружил в подъезде, на площадке между четвертым и пятым этажами. Коллега из автотранспортного отдела курил у мусоропровода, наблюдая за тем, как «москвичи» — эксперт-криминалист с Петровки и судебный медик — изымали образцы с пола, перил и ступенек, буквально залитых какой-то темно-бурой жижей.

На площадке витал кислый винный дух, но к нему примешивалась сладковато-тошнотворная вонь, которую невозможно было ни с чем другим спутать. Это был запах крови. Однако трупа на площадке не было.

И это было первым звеном в цепи довольно странных обстоятельств, отмеченных про себя Колосовым. Основной осмотр шел этажом выше — в одной из квартир на пятом этаже. Однако милиция попала туда не сразу. Этому предшествовала, как выразился Свидерко, целая «история с географией».

— Значит, так, что я знаю со слов нашего дежурного и говорю тебе, Никита, чтобы и ты знал, — начал Свидерко. — Первый раз нам жильцы позвонили в половине седьмого утра. Старуху с четвертого этажа понесло мусор выносить спозаранку. Она всех и переполошила. Наши утром, естественно, засомневались: старухе и присниться ведь могло, так или не так?

— Что? — Колосов усмехнулся.

— Ты зубы-то не скаль. Возраст у старухи, воображе-

ние могло разыграться, так? Ну, в дежурке так и рассудили, и правильно рассудили, и послали сюда наряд и участкового. Ну, поднялись они сюда. На лестнице вишищем разит. Участковый покрутился, в обстановку не вник, балбес. Жильцов по квартирам разогнал, чтоб не мешались. Короче, доложил в отделение: никакого криминала нет. На полу действительно лужа, только не крови, как старуха и жильцы другие по телефону уверяли, а пролитого кем-то вина. Три бутылки «Киндзмараули» марочного кто-то разом кокнул. Там действительно осколков полно.

— Тут кровь, Коля. И запеклась уже, успела, — перебил Никита.

— Ты мне это говоришь? Мне? — Свидерко снова ошестинился как еж. — Да я вообще на больничном, температура тридцать девять, от бронхита загибаюсь... Хмырь-то этот, между прочим, ваш, и дело по разбойному нападению на вас висит. Меня информировали уже.

— Как его нашли? Убитого! — рявкнул Колосов — он уже начал терять терпение и тихо звереть. Вообще, что он-то делает здесь, в этой московской неразберихе?!

— Не ори на меня. Как нашли... А ты не перебивай, слушай. А то я сам сейчас запутаюсь, — Свидерко хмыкнул. — Ну, значит, смылись наши отсюда. И жильцы утихомирились, досыпать пошли. А в девять на пятый этаж рабочие пришли — маляры, штукатуры. Там ремонт до сих пор — вроде две квартиры в одну большую переделывают. Открыли они дверь и сразу снова нам звонить кинулись. Готово дело — в квартире мертвец, а при нем дубленка и паспорт в кармане на имя Бортникова Александра Александровича. Между прочим, прописанного в вашем подмосковном Менделееве. Кроме паспорта, бумажник целехонький с деньгами и...

— И что еще?

— Права водительские и ключи от машины.

— А машина внизу во дворе, — как боевой конь на звук трубы, откликнулся Сладков. Он подошел к ним и вступил в беседу. — Синяя «Волга», та самая, что числится у нас с пятницы в розыске по разбою. Из аэропорта. Я ее сам только что осматривал — и заперта аккуратно, и даже на сигнализацию поставлена. А на руле — блокиратор.

— Значит, разбой отпадает теперь полностью, — подытожил Колосов. — А что остается? Инсценировка? Радуйся, что же ты не радуешься?

— А я радуюсь, — Сладков угрюмо дымил папиросой. — Ты что, не видишь?

— Говорят, деньги еще пропали? — Свицерко остро зыркнул на коллег из области. — Давайте все выкладывайте. Крупная сумма?

— Сто семьдесят пять тысяч долларов, — ответил Сладков.

Свицерко присвистнул.

— Тогда ничего удивительного нет, — изрек он.

— В чем? — спросил Сладков.

— В том, что этот Бортников уже покойник.

— Слушайте, надо тело-то все же осмотреть в конце-то концов, — напомнил Колосов. — Мы что тут, совсем уже лишние люди или нам тоже можно поучаствовать, раз уж нас вызвали сюда неизвестно зачем?

— Как это неизвестно зачем? Нити убийства тянутся к вам в область, — быстро отреагировал Свицерко. — И потом, Никита, ты же меня знаешь: я всегда за сотрудничество и взаимодействие. А ты против, что ли?

В квартире на пятом этаже была уйма народа. А на лестничной площадке у лифта тоже яблоку негде было упасть. Колосов с трудом мог разобраться, где сотрудники, а где жильцы, высыпавшие из всех квартир и ни

за что не желавшие расходиться, несмотря на все увещевания следователя, патрульных и участкового.

Последнему приходилось совсем туго. Жильцы громко и яростно обвиняли его в халатности, черствости, равнодушии, непрофессионализме и невнимательности. И все в один голос угрожали подать коллективную жалобу самому министру МВД на то, что участковый с первого раза не сумел отыскать труп.

— Да квартира-то эта на замок была заперта, что я, должен был дверь, что ли, ломать? — отбивался участковый.

— Это правда. — К Свидерко, Колосову и Сладкову подошел эксперт-криминалист. — Здравствуйте, мы только что там осмотр закончили. Мои пояснения нужны? С чего начнем?

— С замка. — Колосов окинул взглядом дверь квартиры, она была самой обычной, обитой коричневым дерматином.

— Замок старый, еще от прежних жильцов. Выпилим его полностью, отправим на исследование. Но даже сейчас ясно, что никаких следов взлома нет. Ни на корпусе замка, ни на притолоке, — эксперт постучал по дерматину. — Возможно, дверь открыли путем подбора ключа. Для умелого человека это сделать не так уж и сложно.

— Для слесаря? — Колосов осматривал дверь.

— Для любого, кто руки ловкие имеет. — Эксперт кивнул на дверь рядом: — Эта дверь тоже заперта. Там внутри идет перепланировка полным ходом, перегородки уже сломали. Из трехкомнатной и двухкомнатной будут делать одну с большой студией. Но с той стороны эта дверь сейчас загорожена, там стройматериал сложен, кирпичи, так что...

— Так что некто был в курсе, какую дверь из двух можно открыть, — кивнул Свидерко. — Ну, пошли внутрь?

Внутри шел ремонт. Фигуру, распростертую на полу огромной пустой комнаты (Никита поразился: сколько же места, оказывается, освобождается, если убрать в квартире перегородки), они увидели сразу же. Человек лежал ничком. Пол рядом с телом был обильно запачкан кровью. Они подошли ближе.

— Некто Бортников, документы у него из кармана достали, — сказал эксперт. — Здесь он не прописан, в доме не проживает.

— Я его и без документов узнаю, — Сладков, кряхтя, нагнулся над трупом. — Как его разделали-то...

— Рубленые раны шеи и затылка. Удары были нанесены сзади и с большой силой. Били несколько раз. — Эксперт достал из кармана куртки свежие резиновые перчатки. — Причем орудие преступления, на мой взгляд, довольно необычное.

— Что это значит — необычное? — спросил Колосов.

— Раны-то рубленые, но на обычный топор это не похоже. Короткое лезвие. Что конкретно за орудие, определим только после экспертизы.

— Так и говори по-человечески, — буркнул Свидерко. — А то тень на плетень напускает тут... Убивали здесь, в квартире?

Эксперт покачал головой.

— Там? — Колосов кивнул на дверь. — На площадке?

— Я, конечно, могу ошибаться при визуальном осмотре, точнее все экспертиза определит, но мне кажется, что первый удар или два первых удара Бортникову нанесли на площадке, затем волоком потащили тело по лестнице на пятый этаж и уже здесь, в квартире, добились. Он так и лежал лицом вниз, а ему снова и снова наносили по голове удары.

— Молодой еще парень. — Колосов присел на корточки, сбоку заглянул в лицо убитого. — По паспорту ему сколько лет?

— Тридцать четыре года... Я ж его недавно допрашивал, ах ты. — Сладков тоже нагнулся: — Эх, парень, угораздило тебя... Где его личные вещи, что при нем нашли?

Эксперт указал глазами на подоконник, где в ожидании следователя лежали аккуратно запакованные в пластик предметы.

— Мы все в карманах нашли. — Эксперт осторожно перевернул тело на спину и указал на внутренние карманы дубленки.

— Все ты, выходит, врал мне, парень, — тихо сказал Сладков, глядя в лицо убитого. Скулы Бортникова покрывала мертвенная бледность, глаза были закрыты, короткие пепельные волосы слиплись и потемнели от крови. Колосов вспомнил: об этом человеке только вчера говорила ему Катя. И они так, между делом, обсуждали — жулик он или же просто несчастная жертва дорожного разбоя. Оказалось же, что он уже мертвец.

— Когда наступила смерть? — спросил он эксперта.

— Пока только ориентировочно между пятью и шестью часами утра.

— А тело нашли в девять?

— Точнее, в половине десятого.

— Тоже мне, сразу как следует все место происшествия осмотреть не сумели, — буркнул Сладков.

— Значит, по-вашему, первый удар ему нанесли там, на площадке, а затем притащили тело сюда, предварительно открыв замок на двери? — Колосов прошелся по комнате, разглядывая стены. — А кто владелец этой квартиры?

— Выясняем, — отрезал Свидерко. Хотя он сам и не был виноват в том, что тело не сразу нашли, но критику коллег воспринимал на свой адрес и страшно переживал и злился.

— А по какой причине он здесь в доме оказался, тоже выясняете? — продолжал Никита. — К кому-то ведь

он сюда приехал? Или, может, сам здесь квартиру снимал? Здесь ведь наверняка кто-то сдает.

— Выясняем и это. — Свицерко хмурился. — Ты, Никита, давай вот что, коней-то не гони. И не командуй мной. Только начали ведь работать.

— Да я не тороплюсь, — усмехнулся Колосов. — Однако уж полдень на дворе. На вещи-то его мне можно взглянуть?

— Пожалуйста, вот, — эксперт протянул ему пакет.

Никита просматривал предметы один за другим: кожаное мужское портмоне, деньги и паспорт. И даже медицинский полис. А ведь Бортников заявлял, что у него все документы похищены.

— Он вчера на допросе как показывал: все похищено или только права и документы на машину? — уточнил он у Сладкова.

— Права и документы на машину. Насчет паспорта не сказал ничего. Но при себе вчера паспорта у него не было.

— А как же он деньги в банк сдавать собирался? Или там удостоверения личности не требуется?

— У него было удостоверение сотрудника авиафирмы с его фотографией.

— В банке этого недостаточно. Так, значит, не показал он тебе вчера свой паспорт.

Колосов отложил портмоне, взял ключи — увесистая связка. Кроме ключей, было еще несколько разных брелоков: брелок автосигнализации, мельхиоровая бляшка с зодиакальным знаком Козерога и медальон из какого-то черного камня в форме сердца.

— Он по паспорту в каком месяце родился? — спросил Колосов.

— В январе, — ответил Сладков.

Козерог стал понятен — талисман удачи, а вот черное сердце...

— Это агат? — спросил эксперта Колосов.

Тот пожал плечами:

— Возможно, но может быть и темный сердолик, и гагат, я не разбираюсь в минералах.

Никита взвесил ключи — надо разбираться, какие тут ключи от его, бортниковского, дома, какие от кабинета в офисе, а какие, быть может, и от...

— От кейса с большими деньгами случайно ключика золотого нет? — спросил Свидерко. — Махонький такой.

— Махонького нет. Здесь и магнитки от домофона нет. — Никита разглядывал ключи. — А тут внизу домофон в подъезде. Значит, либо кто-то ему открыл, впустил, либо он сам здешний код знал.

— Код одни только жильцы знают, — сказал Сладков.

— Не только жильцы, и работники ЖЭКа, и почтальон. Кстати, почтальон-то есть тут? А то, я гляжу, в Москве совсем почти их не стало. Одни распространители рекламных листовок. Кстати, они тоже кодом от домофона всегда пользуются.

— Да они просто звонят в первую попавшуюся квартиру и просят им открыть, — возразил Свидерко. — И Бортников тоже так мог сделать.

— Это в пять-то утра в субботу? — возразил Сладков.

— А мы конкретно ничего пока не знаем — во сколько он сюда приехал, когда. Кстати, — Никита обернулся к коллеге, — вы его с допроса во сколько отпустили?

— Ну, где-то около семи. А потом нам как раз сводку из ГИБДД принесли, ну, я тебе говорил насчет пробки у Шереметьева, Бортников уже уехал. А потом ты позвонил.

— А как же он без документов, без денег, без машины до своего Менделеева бы добрался?

Сладков пожал плечами.

— Ты что, даже не поинтересовался у него? — спро-

сил Колосов. — Подбросить до Речного вокзала не предложил — потерпевший все-таки.

— Слушай, у меня работы еще было выше крыши. Мы ведь разбой подозревали сначала всерьез... Он не жаловался особо, ничего у нас не просил. Написал заявление, ответил на вопросы, по виду испуган был сильно, переживал. От меня начальству своему в компанию звонил.

— А потом улимонил от вас, — хмыкнул Свицерко. — В семь вечера улимонил с Никитского, а в девять утра уже на Ленинградском всплыл в чужой квартире с черепушкой проломленной.

— У вас что, к нам претензии какие-то? — Сладков сразу перешел на жесткий официальный тон. — Мне за руку, что ли, надо было водить этого хмыря?

Колосов посмотрел на убитого. Мертвое лицо было совершенно бесстрастно. Бортникову было уже все равно, как его называли. В чертах этой застывшей, бледной посмертной маски не было ни страха, ни боли, ни удивления, ни страданий. Лицо было спокойным, тихим. Никита подумал: возможно, смертельным оказался самый первый удар, нанесенный там, на площадке. И Бортников умер сразу.

Среди прочих его личных вещей были только расческа, зажигалка, пачка сигарет, дисконтная карта продуктового супермаркета и деньги — две купюры по пятьсот рублей и мелочь.

— Негусто, — Свицерко через плечо Колосова заглянул в портмоне. — Не взял убийца заначку, не снизошел. Не та сумма. Может, мобильник взял? Телефона-то у потерпевшего нет.

— Может, он им вообще не пользовался, — сказал Колосов.

— Ну да, сейчас. Охранник аэропорта, у него по инструкции и телефон, и пейджер, и рация быть должны.

— А может, на этот раз он телефон не взял намерен-

но. А может, мобильник в «Волге» остался. Вы машину еще не вскрывали?

— Нет, я пока лишь наружный осмотр сделал, — отозвался Сладков.

— Ну, тогда предлагаю спуститься во двор и вместе с понятными вскрыть машину. — Свицерко позвенел ключами. — А вот и ключики от нее, родимой. Целехоньки.

Спустились на лифте. Никита слышал, как гудит от голосов весь подъезд. Жильцы по-прежнему по квартирам не расходились. Во дворе же было тихо. Кроме патрульных — никого.

«Волгу» открыли. Сразу тревожно, визгливо завывла сирена сигнализации. Пока Свицерко вместе с экспертом-криминалистом ее отключали, Колосов и Сладков открыли багажник. Еще теплилась слабая надежда: а вдруг там кейс с большими деньгами лежит себе, их дожидается? Но в багажнике, кроме запаски, домкрата, пустых канистр и тряпок, ничего не было.

— На «Волге» этой только Бортников ездил? — спросил Колосов Сладкова.

— Он мне говорил, что нет. Что у них несколько машин для службы охраны. В тот день он взял эту «Волгу», потому что она была свободной.

— А водитель там на фирме за ней какой-нибудь закреплён?

— Выясняем, — Сладков ограничился любимым словечком Свицерко. — Я как раз в понедельник с представителями авиакомпании должен встретиться. Вот теперь не знаю...

— Ну, чего уж тут, встретимся, потолкуем, — сказал Никита. — Все только начинается. А машину-то он, по всему, сам сюда пригнал, сам и поставил, сам и закрыл. Это уж как пить дать. Надо жильцов опросить — может, кто раньше тут видел эту «Волгу»? Может быть, кто-то и водителя вспомнит. Ну-ка, а тут у него что? — Коло-

сов обошел «Волгу», заглянул в салон и открыл «бардачок» — пусто, хоть шаром покати. Сразу видно — машина служебная.

— Отпечатки все снимем на всякий пожарный, — Свицерко важно кивнул эксперту. — И снаружи, и в салоне, чтобы не тыкали потом, что мы при осмотре прошляпили.

— Это когда же потом? — полюбопытствовал Никита.

— На суде.

Колосов усмехнулся, сам он так далеко не заглядывал. Свицерко снова начал сердиться. И как раз в этот самый момент, когда он вскипал, как чайник, от недоверия коллег, на место происхождения прибыло его непосредственное начальство. И началось! Никита молча наблюдал эту публичную порку. Зрелище было одновременно и скучным, и забавным, и знакомым до боли.

— Крутые какие, а? — шепнул Сладков. — Приехали, рассыпали ЦУ. Министерские, что ли? Или все из Москвы? А нам ведь с ними работать теперь вместе, взаимодействовать. Вот невезуха! Скандалисты какие-то.

Но он ошибался. Встреча с настоящим скандалистом была еще только впереди. И свицерковское грозное крикливое начальство здесь просто отдыхало.

Впоследствии Никита часто вспоминал ту самую первую встречу с жильцами ЭТОГО ДОМА. Там, на лестничной площадке между пятым и шестым этажами, были многие из них. Тогда они все были для него еще совершенно незнакомыми, совершенно чужими людьми, чьи возмущенные голоса сливались в нестройную какофонию и воспринимались просто как досадный назойливый шум, как помеха работе.

Их лица невозможно было еще запомнить, а названные имена и фамилии почти сразу же вылетали из головы. В ту самую первую встречу на площадке у лифта

все эти люди даже еще не были для Колосова свидетелями, а являлись просто гражданами, жильцами. То есть чем-то абстрактным и далеким.

Позже все изменилось. Он и сам не понял, в какой момент это случилось. И был удивлен и заинтригован этой переменой. Но в тот самый первый раз он еще не знал, что ДОМ видел на своем веку немало такого, что могло бы удивить и показаться странным. Дом был свидетелем многих перемен. И кажется, по-своему предвкушал и ожидал их.

Но при той встрече с жильцами первое, о чем Колосов подумал, было: нет уж, дудки, так у нас с вами, дорогие граждане, дело не пойдет! Крики, ругань просто оглушали. Складывалось впечатление, что на площадке у лифта кого-то линчуют. Жильцы линчевали участкового. В их агрессивном окружении он казался совсем беззащитным. Хотелось прийти ему на выручку — не то его заживо могли съесть, не оставив даже форменной фуражки.

Упреки сыпались градом, казалось, в избиении и уязвлении профессионального самолюбия участкового принимали участие все до одного жильцы, но уже через минуту слегка даже обалдевший от крика Колосов понял, что скандалят не все. Нет, как раз большая часть тех, кто собрался на площадке, выжидательно молчала, с недобрым любопытством наблюдая за тем, как скандалит и наскакивает на милиционера один-единственный жилец — крохотная, как гном, круглая, как мячик, красная, как рак, старушонка в спортивных брюках с белыми лампасами, вязаной кофте и наброшенном на плечи старом драповом пальто с коричневым норковым воротником, побитым молью.

— Да что вы нам чепуху-то говорите! Что вы нас тут за нос-то водите! Мы вас во сколько вызвали? Мы вас утром рано вызвали, а вы что? Всех перебулгачили, перебудили, напугали всех до смерти. А у меня стенокар-

дия, давление ползет, чуть глаза не лопаются! У меня невестка беременная на восьмом месяце! А в ее-то возрасте роды еще перенести надо суметь. Тебе вот за тридцать будет, сам рожай — попробуй! Да вам-то что, что вам, и правда рожать, что ли? Вы того даже делать не умеете, на что вы от государства поставлены, за что вам деньги платят! Мы вас когда вызвали? Когда еще показали все — и следы, и кровяную лужу на лестнице! А вы что? Фыр-фыр, восемь дыр, хвостом только повертели. От Надежды Иосифовны вон, как от мухи надоевшей, отмахнулись и поминай как звали — уехали! А мы тут...

— Я молодому человеку сказала, что он должен все осмотреть тут, все выяснить, я ему сказала: кровь не могла сама собой взяться.

Это густым басом, как труба, зычно и одновременно по-царски снисходительно, изрекла стоявшая рядом с маленькой крикуньей полная седая пожилая женщина в синем бархатном халате и шлепанцах.

— А я о чем толкую? Откуда кровь-то взяться могла? Виданное ли это дело — кровяная лужа, а покойника след простыл?

— Да там же в пятнадцатой квартире до девяти утра дверь была заперта. Откуда я знал, что... — Участковый увидел Колосова и подходивших на выручку коллег.

— Дверь закрыта! — Маленькая старушка аж подпрыгнула. — А у вас ордера-то на что? Нет, дорогой-любезный. Вы что думаете, мы так все это оставим? Мы жаловаться всем подъездом будем. Прямо начальству вашему жаловаться!

— А чего откладывать, гражданка? — Колосов решил подлить масла в огонь и в суматохе вывести участкового с линии огня. — Вон оно, начальство, во дворе. Прямо к нему все и ступайте.

— А вы мне не указывайте, молодой человек! Я и сама знаю, что мне делать. Вы откуда, из прокуратуры? Вы нам лучше вот что скажите: до каких пор это безобразие

продолжаться будет? Когда покойника из квартиры заберут, а? Или, может, так нам на все выходные тут его и оставите? Ночевать нам, что ли, с ним тут?

Колосов кивнул участковому — уходим. Он понял, что момент для приватного опроса жильцов сейчас крайне неудачный. Все раздражены, испуганы и обозлены на милицию. И что сейчас ни скажи, о чем ни спроси — все будет восприниматься в штыки. Он разглядывал жильцов. На площадке, кроме пенсионерок, были граждане и помоложе: трое или четверо мужчин, несколько женщин — одна и точно беременная. Была и девочка лет тринадцати в клетчатой рубашке и джинсовом комбинезоне. Вот как раз ее в ту первую встречу Никита запомнил: девочка была веснушчатой и рыжей. И смотрела на шумевших, растерянных, испуганных взрослых с насмешкой и осуждением.

Глава 7

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МЕЩЕРСКОГО

На день рождения Катя идти вообще-то не собиралась. Сергей Мещерский болел гриппом и вот уже вторую неделю сидел дома в обнимку с градусником и кипой бумажных носовых платков. Общения с гриппозным другом детства Катя в эти дни дипломатично избегала. Мещерский, как и все мужчины, в дни болезни был страшно мнительным: любой, самый слабый, симптом недомогания повергал его чуть ли не в панику. При температуре (а она повышалась обычно к вечеру) он всякий раз звонил Кате и жалобным тоном перечислял ей, где, что и как именно у него болит, «колет» и «схватывает», какой внутренний орган, по его расчетам, уже серьезно поражен и каких последствий (самых ужасных) следует ожидать при таком течении болезни.

После визита в поликлинику к врачу и постановки окончательного диагноза — ОРЗ Мещерский страшно обиделся на всю медицину в целом и на весь белый свет. А когда Катя назидательно посоветовала ему не раскисать по пустякам и быть мужчиной, он обиделся и на нее — перестал звонить и замкнулся в гордом одиночестве дома.

И заглох до самого своего дня рождения. Увы, Сергей Мещерский родился в феврале. И, по выражению Вадима Кравченко, был настоящий «февралик» — Водолей из Водолеев, с которого можно было писать прямо образец гороскопа. По мнению Кати, родиться в феврале было просто кошмаром — ни зимы, ни весны, ни снега, ни солнца, ни дня, ни ночи. Серый сырой туман, сумерки с утра до вечера, пронизывающий ледяной ветер, сплошная простуда и грипп.

В такие скверные дни не только к приятелю на день рождения идти не тянуло, даже сновать по модным магазинам, наряжаться не хотелось. А уж магазины-то для Кати были вообще делом святым. Но в феврале ее не радовали и обновки. Не хотелось ничего. Душа тосковала по весне, теплу, заботе и ласке.

Началось все, когда уехал муж — «драгоценный В.А.» — Вадим Кравченко. Его работодатель Чугунов платил деньги, и он же заказывал музыку. Москва с некоторых пор для Чугунова становилась все менее и менее приветливым городом. Петербург вообще не улыбался. И взоры предпринимателя Чугунова теперь все чаще обращались к провинции, к далеким Уральским горам, к городам в сибирской тайге, к местам, где прошла его давняя комсомольская юность.

Бизнес-тур Москва — Новосибирск — Барнаул — Абакан — Иркутск — Чита — Хабаровск — Харбин — Пекин — Гонконг планировался Чугуновым давно. А начальник его охраны Вадим Кравченко воспринимал все, даже самые вздорные, идеи шефа философ-